Основан в августе 1939 года

УЧРЕДИТЕЛЬ

Министерство обороны Российской Федерации

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

февраль

№ 2 (622)

2012

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор
ЧАЧУХ
Игорь Мадинович,
полковник запаса

Заместитель главного редактора
АВЕРЧЕНКО
Сергей Викторович,
подполковник запаса,
кандидат исторических наук

Научные редакторы
Е.В. ДОБЫЧИНА,
кандидат исторических наук;
В.А. ЕВДОКИМОВ,
подполковник запаса;
В.Т. ИМИНОВ,
генерал-лейтенант
в отставке,
кандидат исторических
наук, профессор;
Н.Ф. КОВАЛЕВСКИЙ,
полковник запаса,
кандидат философских
наук, старший научный
сотрудник;
С.В.МАНЮКОВ,
полковник запаса;
В.Г. ОППОКОВ,
капитан 1 ранга в отставке;
А.В. ОСТРОВСКИЙ;
Р.И. ПАРФЁНОВ

Ответственный секретарь
П.Н. ЛАНЦОВ,
капитан 1 ранга запаса

Секретариат
М.В. ЗАБРОДИНА
(заместитель ответственного
секретаря редакции);
А.Л. БОЧАРОВА;
Е.В. КРИГЕР;
А.А. ПИМЕНОВ,
полковник в отставке;
Ю.В. СНЕГОВА

Литературная редакция
Н.И. ВАХРОМЕЕВА;
А.Н. ГОНЧАРОВА;
А.М. ПЕТРОВ,
полковник запаса

Художественный редактор
И.В. НЕДОСТОЕВА

Заведующая редакцией
М.П. МОИСЕЕВА

Перевод
В.С. СИДОРОВ

Компьютерная вёрстка
А.В. МОЛЧАНОВ;
Д.О. СТАШЕНКОВ

Адрес для переписки:
119160, Москва, Хорошёвское шоссе, 38 Д, редакция «Военно-исторического журнала».
Тел.: (495) 693-57-45,
8-906-751-06-97;
Электронная версия «Военно-исторического журнала» — на сайте **www.history.milportal.ru**, на сайте Министерства обороны РФ **www.mil.ru** и на сайте Научной электронной библиотеки **www.elibrary.ru**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.И. БАСИК — начальник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, полковник запаса, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Москва)

А.А. БУДКО — начальник Военно-медицинского музея МО РФ, полковник медицинской службы запаса, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач РФ (Санкт-Петербург)

В.С. ВЫСОЦКИЙ — главнокомандующий Военно-морским флотом, адмирал (Москва)

И.О. ГАРКУША — директор Российского государственного военно-исторического архива, заслуженный работник культуры РФ (Москва)

Е.Ю. ГУСЬКОВА — руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

И.С. ДАНИЛЕНКО — научный сотрудник Военно-научного комитета ВС РФ, генерал-майор в отставке, доктор философских наук, профессор (Москва)

А.А. ЗДАНОВИЧ — заместитель председателя Всероссийской государственной телерадиокомпании, генерал-лейтенант запаса, доктор исторических наук (Москва)

С.Б. КАМЕНИЧЕНКО — начальник 6-го направления (руководства архивным делом в ВС РФ) Управления делами МО РФ (Москва)

А.В. КИРИЛИН — начальник Управления МО РФ по увековечению памяти погибших при защите Отечества, генерал-майор запаса, кандидат исторических наук (Москва)

Г.Ф. КРИВОШЕЕВ — консультант Управления МО РФ по увековечению памяти погибших при защите Отечества, генерал-полковник в отставке, кандидат военных наук (Москва)

В.М. КРЫЛОВ — директор Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, полковник запаса, доктор исторических наук (Санкт-Петербург)

В.Н. КУЗЕЛЕНКОВ — директор Российского государственного военного архива (Москва)

Г.А. КУМАНЁВ — руководитель Центра военной истории России, главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, академик РАН, профессор (Москва)

С.В. МИРОНЕНКО — директор Государственного архива Российской Федерации, доктор исторических наук (Москва)

Н.И. НИКИФОРОВ — заместитель начальника Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ по научной работе, полковник запаса, кандидат исторических наук (Москва)

А.К. НИКОНОВ — директор Центрального музея Вооружённых сил, полковник запаса (Москва)

А.А. НОГОВИЦЫН — первый заместитель начальника Объединённого штаба Организации Договора о коллективной безопасности, генерал-полковник, доктор военных наук (Москва)

А.В. ОСТРОВСКИЙ — ведущий научный редактор редакции «Военно-исторического журнала» (Москва)

И.А. ПЕРМЯКОВ — начальник Центрального архива МО РФ, полковник запаса, заслуженный работник культуры РФ (г. Подольск Московской области)

Ю.А. ПЕТРОВ — директор Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

К.К. ПРОВАЛОВ — директор Историко-документального департамента Министерства иностранных дел РФ (Москва)

М.Р. РЫЖЕНКОВ — директор Российского государственного архива древних актов, кандидат исторических наук (Москва)

А.Н. САХАРОВ — советник Российской академии наук, член-корреспондент РАН, профессор (Москва)

А.Р. СОКОЛОВ — директор Российского государственного исторического архива, доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

В.С. ХРИСТОФОРОВ — начальник Управления регистрации и архивных фондов ФСБ РФ, генерал-лейтенант, доктор юридических наук (Москва)

А.О. ЧУБАРЬЯН — директор Института всеобщей истории Российской академии наук, академик РАН, профессор (Москва)

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии (ВАК) Министерства образования и науки РФ «Военно-исторический журнал» включён в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук

СОДЕРЖАНИЕ

ПО СТРАНИЦАМ РЕДКИХ ИЗДАНИЙ

Нарукавные знаки РККА. 1918—1924 гг.
Shoulder sleeve insignia in the Red Army. 1918—1924 — **2-я стр. обл.**

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Топографическая служба в Российской армии
Topographic service of the Russian armed forces — **2-я стр. цв. вкл.**

ВОЕННАЯ СИМВОЛИКА

На страже Заполярья
Guarding the Polar region — **4-я стр. цв. вкл**

ЛОКАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ И ВООРУЖЁННЫЕ КОНФЛИКТЫ XX—XXI вв.

А.В. УСИКОВ, А.Н. СПИРИН, Б.А. БОЖЕДОМОВ, В.Г. КИКНАДЗЕ — Государственное и военное управление в ходе внутренних вооружённых конфликтов на Северном Кавказе (конец XX — начало XXI в.) — **3**
A.V. USIKOV, A.N. SPIRIN, B.A. BOZHEDOMOV, V.G. KIKNADZE – *Government and military control in the internal armed conflicts in the North Caucasus (the end of the XX century – beginning of the XXI century)*

М. ЦВЕТАНОВСКА — Македонский кризис 2001 года — **11**
M. TSVETANOVSKA – *Macedonian crisis of 2001*

ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

С.Л. ПЕЧУРОВ — «Большой федеральный союз наций и провинций жизнеспособен и даже может быть прочным». Англо-американские отношения в 1860-е годы — **19**
S.L. PECHUROV – *"The big federal union of nations and provinces is viable and may even be the strong one". Anglo-american relations in the 1860s*

М.А. СЕВАСТЬЯНОВ — Военное содружество и перспективы партнёрства. Деятельность Совета министров обороны СНГ (1992—2012 гг.) — **25**
M.A. SEVAST'YANOV – *Military cooperation and prospects for partnership. Activities of the CIS Council of Defence ministers (1992—2012)*

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.

А.Ю. БЕЗУГОЛЬНЫЙ — Опыт формирования и боевого применения горских кавалерийских частей в годы Великой Отечественной войны — **29**
A.Yu. BEZUGOL'NY – *The experience of formation and combat use of mountain cavalry units during the Great Patriotic War*

С.В. ЯШИН — Противовоздушная оборона железнодорожных и водных коммуникаций в годы Великой Отечественной войны — **33**
S.V. YASHIN – *Air defence of rail and water communications during the Great Patriotic war*

Э.Л. КОРШУНОВ, А.И. РУПАСОВ — «В ноябре 1942 г. всё было готово для открытия троллейбусной линии по Ладоге» — **37**
E.L. KORSHUNOV, A.I. RUPASOV – *"In November 1942, everything was ready for opening the trolleybus line in the lake of Ladoga"*

С.А. АРТЮХОВ — Помощь сочинцев фронту — **41**
S.A. ARTYUKHOV – *The help of Sochi residents to the front*

ИЗ ИСТОРИИ ВООРУЖЕНИЯ И ТЕХНИКИ

Б.У. СЕРАЗЕТДИНОВ — Производство прожекторного вооружения для Красной армии и Военно-морского флота в 1941—1945 гг. — **43**
B.U. SERAZETDINOV – *Manufacture of searchlight equipment for the Red Army and Navy in 1941—1945*

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

А.В. ВЕНКОВ — Верхне-Донское восстание и его руководители — **47**
A.V. VENKOV – *The Upper Don revolt and its leaders*

ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ

Е.Ю. СЕРГЕЕВ — Военная разведка России в годы Первой мировой войны — **52**
Ye.Yu. SERGEYEV – *Russian military intelligence in World War I*

ТРАГЕДИЯ ПЛЕНА

Д.Ю. ХОХЛОВ — Армия так и не дождалась своего командующего — **62**
D.Yu. KHOKHLOV – *The Army never did wait for its Commander*

АРМИЯ И ОБЩЕСТВО

Н.В. ДМИТРИЕВ — Военные церкви Приамурья в конце XIX — начале XX века — **67**
N.V. DMITRIEV – *Military churches of the Amur River region in the late XIX – early XX centuries*

ЗАБЫТОЕ ИМЯ

В.Г. СМИРНОВ — Генерал по Адмиралтейству М.А. Рыкачёв — **72**
V.G. SMIRNOV – *The Admiralty's General M.A. Rykachyov*

ВОЕННАЯ СИМВОЛИКА

А.Н. ЦЫМБАЛ — Самое северное соединение — **78**
A.N. TSYMBAL – *The northernmost formation*

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

«Где только нет сынов твоих, Россия! Они сражались, побеждая зло...»
"Everywhere there are your sons, Russia! They fought, defeating evil..." — **3-я стр. обл.**

ВОЕННАЯ СИМВОЛИКА

Знаки отличия в военный и послевоенный периоды
Insignias of the war and postwar periods — **4-я стр. обл.**

77 — ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ
80 — СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

MEMORABLE DATES — 77
INFORMATION ABOUT AUTHORS — 80

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И ВОЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ХОДЕ ВНУТРЕННИХ ВООРУЖЁННЫХ КОНФЛИКТОВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (КОНЕЦ XX — НАЧАЛО XXI в.)

Аннотация. *Авторы, освещая государственное и военное управление накануне и в ходе вооружённых конфликтов последних десятилетий на Северном Кавказе, предпринимают попытку определить пути обеспечения его эффективности в условиях, которые могут потребовать применения военной силы для отражения внутренних угроз национальной безопасности России. В первой из двух статей они раскрывают причины, которые, по их мнению, в 1994—1996 гг. не позволили в Чеченской Республике достичь целей, поставленных руководством страны.*

Ключевые слова: *Российская Федерация; Чеченская Республика; Вооружённые силы РФ; восстановление конституционного порядка; внутренний вооружённый конфликт.*

Summary. *The authors, covering the state and military control before and during the armed conflicts of recent decades in the North Caucasus, attempt to identify the ways to ensure its effectiveness in conditions that may require using military force to repulse the internal threats to Russian national security. In the first of two articles they reveal the reasons which in 1994—1996, in their opinion, didn't allow in the Chechen Republic to reach the goals set by the government.*

Keywords: *Russian Federation; Chechen Republic; Russian Armed Forces; restoration of constitutional order; internal armed conflict.*

На рубеже веков и тысячелетий человечество вступило в сложный период развития, характеризующийся неопределённостью перспектив изменения геополитической обстановки и ожиданием крупных перемен во всей системе мироустройства. События в государствах Северной Африки и Ближнего Востока показывают, что повышается региональная конфликтность. Россия может оказаться втянутой в подобные конфликты.

Эти обстоятельства придают не только теоретическое, но и научно-практическое значение изучению и обобщению опыта государственного и военного управления при возникновении вооружённых конфликтов, повышают актуальность ретроспективного анализа этой деятельности в ходе двух чеченских кампаний. Алгоритмы принятия решений на силовое разрешение конфликтных ситуаций, создание объединённых группировок войск (сил), руководство ими, формы и способы действий в этих кампаниях были различными.

1. Восстановление конституционного правопорядка в Чеченской Республике в 1994—1996 гг.

ОСЕНЬЮ 1994 года ситуация в Чеченской Республике (ЧР) продолжала накаляться. Попытки мирного диалога не принесли желаемых результатов, поэтому планировалось восстановить конституционный порядок в ЧР путём ввода в неё федеральных войск. В то время в России отсутствовала нормативно-правовая база применения Вооружённых сил внутри страны. Хотя использовать армию для наведения порядка в ЧР можно было только в условиях чрезвычайного положения, Президент РФ Б.Н. Ельцин пошёл на этот шаг без его введения.

Схема принятия политического решения и межведомственного взаимодействия при подготовке спецоперации и в ходе восстановления конституционного правопорядка в Чеченской Республике представлена на рисунке.

30 ноября 1994 года Президент РФ подписал Указ № 2137 «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики». Указ предусматривал принятие мер чрезвычайного положения в Чечне без его официального объявления, а также предоставление особых полномочий Группе руководства действиями по разоружению и ликвидации вооружённых формирований, введению и поддержанию режима чрезвычайного положения на территории Чеченской Республики (далее — Группа руководства). Часть этих полномочий входила в противоречие с Конституцией и законами РФ.

1 декабря Б.Н. Ельцин подписал Указ № 2142 «О некоторых мерах по укреплению правопорядка на Северном Кавказе», который предусматривал меры «обеспечения лицам, не причастным к тяжким преступлениями против мирного населения и добровольно до 15 декабря 1994 года сложившим оружие, содействия Президента Российской Федерации в освобождении их от уголовной ответственности за участие в противоправных деяниях, связанных с вооружёнными конфликтами на территории Северного Кавказа»[1].

8 декабря 1994 года Совет Федерации Федерального собрания РФ принял постановление № 291-I СФ «О положении в Чеченской Республике», в котором, «осуждая действия, направленные на разрешение конфликта... с использованием войск и спровоцировавшие обострение вооружённого противоборства, что привело к многочисленным жертвам и разрушениям, а также считая недопустимым применение силовых методов», предложил Президенту РФ «принять конституционные меры по нормализации обстановки в Чеченской Республике и вокруг неё», в том числе «повторно обратиться к лидерам противоборствующих сторон... с предложением незамедлительно прекратить вооружённое противостояние и начать переговоры по восстановлению конституционного порядка в республике»[2].

Несмотря на это, 9 декабря Б.Н. Ельцин издал Указ № 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооружённых формирований на территории Чеченской Республики и в зоне осетино-ингушского конфликта», которым поручил Правительству РФ «использовать все имеющиеся у государства средства для обеспечения государственной безопасности, законности,

МАКЕДОНСКИЙ КРИЗИС 2001 ГОДА

Аннотация. *Автор раскрывает подробности македонского кризиса 2001 г. и анализирует просчёты властей, приведшие к Рамочному договору, который удовлетворил значительную часть требований экстремистов, развязавших вооружённый конфликт, и укрепил позиции албанских сепаратистов.*
Ключевые слова: *Македония; вооружённый конфликт; албанская Освободительная национальная армия; экстремизм; сепаратизм.*

Summary. *The author reveals the details of the Macedonian crisis of 2001 and analyzes the shortcomings of the authorities, which led to the Framework Agreement, which satisfied a significant part of the requirements of the extremists, which unleashed the armed conflict, and strengthened the position of Albanian separatists.*
Keywords: *Macedonia; armed conflict; Albanian National Liberation Army; extremism; separatism.*

ВЕСНОЙ 2001 года экстремистски настроенные албанцы развязали в Македонии вооружённый конфликт с целью изменения государственного устройства. Эта вылазка в стране, долго считавшейся демократичной в области прав нацменьшинств, стала неожиданностью для властей. Они не уделяли должного внимания появлению в Македонии албанских террористов ещё до начала кризиса 2001 года.

После событий 1998—1999 гг. в Косово албанские экстремистские силы в конце 2000 — начале 2001 года перенесли военные действия сначала на юг Сербии, а затем и в Македонию. Созданию благоприятных условий для этого способствовали «гуманитарное военное вмешательство» НАТО в события 1999 года в Косово, возникновение «вакуума безопасности» в связи с принуждением сербской стороны вывести свои войска оттуда и из трёх южных районов Сербии, а также ввод в южный сербский край международных сил безопасности в Косово (КФОР[1]). Ещё во время эскалации противоборства в Косово македонские албанцы предоставляли участвовавшим в нём албанским экстремистам оружие, медицинскую и другую помощь. Кроме того, из неофициальных иностранных источников было известно, что «среди албанцев в Македонии идёт процесс рекрутирования»[2] в экстремистские силы. СМИ также сообщали, что в Македонии под видом беженцев укрывались боевики так называемой Освободительной армии Косово (ОАК). Македонские силовые органы, перекрывая пути доставки оружия в Косово, обнаруживали на своей территории бункеры и центры снабжения ОАК, сообщали о её отделениях в стране. А в апреле 1999 года на севере страны, в 700 м от границы с Югославией, вблизи села Лояне, были обнаружены полигон и штаб албанских боевиков Македонии, в котором хранилось 4,5 т оружия. В связи с этим македонский министр внутренних дел П. Траянов заявил, что «существует сценарий милитаризации Македонии»[3].

О военизированных группировках косовских албанцев в Македонии сообщали и многочисленные иностранные источники. «Ещё в 1998 году, когда была совершена серия нераскрытых взрывов в пяти отделениях полиции (Гостивар, Тетово, Куманово, Скопье и Прилеп), в Македонии стали говорить о том, что число групп ОАК в стране растёт»[4], — сообщалось в докладе Международной кризисной группы[5]. Кроме того, в нём указывалось, что македонская полиция практически не контролировала труднодоступные горные районы на северо-западе страны: «Во многих районах Западной Македонии македонская полиция или войска не появлялись более двух лет. Это создало злокачественную среду для роста численности вооружённых этнических албанцев...»[6].

Албанские боевики в одном из захваченных ими населённых пунктов

Несмотря на информацию об усилении активности албанских боевиков, правительство Македонии не предпринимало мер, направленных на укрепление армейских и полицейских сил для отражения их действий.

В 1998 году началась реорганизация македонской армии с целью приведения её к стандартам НАТО, членом которой стремилась стать Македония. План реорганизации был одобрен и подписан главнокомандующим македонской армией президентом К. Глигоровым и поддержан в Брюсселе — штаб-квартире НАТО. В соответствии с планом численность македонской армии сокращалась со 120 тыс. человек до 14 тыс. военнослужащих (половина профессиональных и столько же рекрутов), а также 40 тыс. резервистов. Такая численность соответствовала натовскому стандарту соотношения численности вооружённых сил и населения страны (2 проц.) с учётом её экономического развития.

Македония к тому времени уже была членом программы НАТО «Партнёрство во имя мира» и с целью дальнейшего сближения с Североатлантическим альянсом подписала договор о помощи в реорганизации своей армии с американской частной военной коммерческой организацией «Корпорация “Военные профессиональные ресурсы”»[7] (КВПР). Согласно этому плану Македонии не нужны были ни артиллерия, ни военно-воздушные силы, ни бронетанковые подразделения, её армия должна была включать только одну бригаду лёгкой пехоты с двумя лёгкими дивизионами и часть специальных единиц.

«БОЛЬШОЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ СОЮЗ НАЦИЙ И ПРОВИНЦИЙ ЖИЗНЕСПОСОБЕН И ДАЖЕ МОЖЕТ БЫТЬ ПРОЧНЫМ»

Англо-американские отношения в 1860-е годы

Аннотация. *Автор раскрывает особенности развития англо-американских отношений в 1860-х годах, приведшие к повороту от угрозы вступления Британии в Гражданскую войну в США к отказу от применения военной силы для разрешения межгосударственных противоречий в англо-саксонском мире по обе стороны Атлантики и заключению Вашингтонского договора от 8 мая 1871 г.*

Ключевые слова: *Соединённые Штаты Америки; Великобритания; Гражданская война в США (1861—1865 гг.); Вашингтонский договор от 8 мая 1871 г.*

Summary. *The author reveals the peculiarities of Anglo-American relations in the 1860s, which led to denying the threat of Britain's entry into the USA Civil War in the United States and renouncing the use of military force to resolve interstate conflicts in the Anglo-Saxon world on either side of the Atlantic and concluding the Washington Treaty of May 8, 1871.*

Keywords: *United States of America; Great Britain; USA Civil War (1861—1865); Washington Treaty of May 8, 1871.*

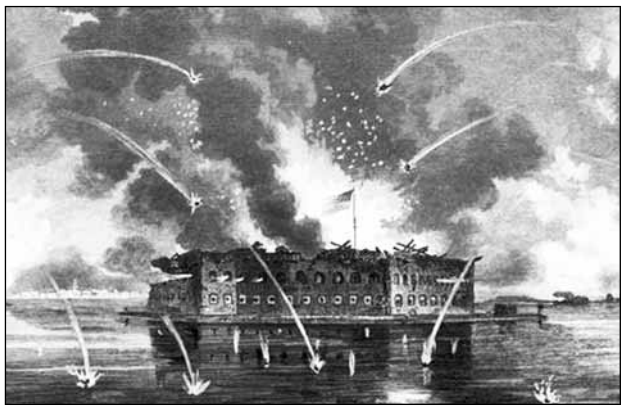
В ИСТОРИИ США 50-е годы XIX столетия отличались перманентными конфликтами вокруг разделения полномочий штатов и федерального правительства, а также условий пребывания штатов в Союзе (федерации), включая проблемы рабовладения в некоторых из них. Тон в политике вокруг полномочий властей задавали южные штаты, руководство которых при почти подавляющей поддержке населения поставило вопрос о сецессии — отделении от США. Не добившись решения ни одной из принципиальных проблем, угрожавших существованию США как единого государства, президент Д. Бьюкенен покинул свой пост, оставив их в наследство своему преемнику А. Линкольну. Его избрание в 1860 году послужило сигналом к отделению от Союза 11 южных штатов (из 34, входивших в него) и началу Гражданской войны 1861—1865 гг. Сепаратистский конгресс их представителей 4 февраля 1861 года в Монтгомери (штат Алабама) провозгласил создание Конфедеративных штатов Америки. Президентом Конфедерации был избран Д. Дэвис, вице-президентом — А. Стеффенс.

Принимая бразды правления, лидеры противостоявших друг другу сторон очертили свои позиции в инаугурационных речах.

18 февраля, вступая на пост временного президента (главы временного правительства) Конфедерации, Дэвис заявил: «Мы должны приготовиться встретить критическое положение и защищать мечом место, занятое нами среди мировых держав... в современной ситуации, считаю необходимым создание хорошо подготовленной и дисциплинированной армии, численностью большей, чем того требует мирное время. Я также предлагаю создать флот для защиты наших гаваней и нашей торговли в экстерриториальных водах»[1].

Линкольн в своей инаугурационной речи 4 марта 1861 года убеждал оппонентов в необходимости сохранения Союза и мира в нём: «В ваших руках, мои неудовлетворённые соотечественники, а не моих — важнейшая проблема гражданской войны. Правительство не собирается нападать на вас. Вы не получите конфликта, если не нападёте сами... Мы не враги, а друзья. Мы не должны быть врагами. Хотя страсти, возможно, и ослабили узы нашей привязанности, они не должны разрывать их»[2].

Конфедераты не вняли этим призывам, подняв мятеж, захватили форты и арсеналы на юге страны, в которых находились основные запасы оружия и боеприпасов[3]. Начатый ими 12 апреля 1861 года обстрел форта Самтер (около г. Чарльстон, штат Южная Каролина) стал первыми залпами Гражданской войны. 15 апреля Линкольн объявил южные штаты мятежными.



Обстрел форта Самтер
Художник Д.Э. Перин

Согласно упрощённым оценкам, превалирующим в отечественных и зарубежных исторических исследованиях, консервативные слои европейских держав якобы питали надежды на то, что «американский режим любителей свобод» ждёт неминуемый крах. В Британии аристократическая верхушка, подмявшая под себя консерваторов различных мастей, по мнению значительного числа историков, также склонялась к поддержке конфедератов. Другая, примерно равная первой, часть британского общества, представленная либералами, якобы поддерживала «демократический Союз» северян во главе с законно избранным президентом Линкольном[4].

Между тем ситуация накануне и в первые годы Гражданской войны была более запутанной и сложной. Британские оценки каждого её события[5], будь то захват форта Самтер, сражения при Манассасе, Шайло и другие, отражали палитру взглядов различных политических сил.

На первых порах в Европе в целом и в Британии в частности, по мнению видного авторитета в области истории США Ф. Майерса, борьбу Союза против Конфедерации рассматривали как империалистическое стремление официального Вашингтона подавить освободительное движение «бедных, но гордых южных республик». К нему относились примерно так же, как к национально-освободительным движениям в ряде многонациональных держав-империй, снискавшим симпатии разных слоёв общества[6]. Что касается рабовладения в южных штатах, то, как полагали многие, в том числе в Британии, получив независимость, Конфедерация будет вынуждена упразднить рабство, чтобы влиться в сообщество цивилизованных

ВОЕННОЕ СОДРУЖЕСТВО И ПЕРСПЕКТИВЫ ПАРТНЁРСТВА

Деятельность Совета министров обороны СНГ (1992—2012 гг.)

Аннотация. *В статье освещается деятельность Совета министров обороны Содружества Независимых Государств (СНГ) по развитию военного сотрудничества с момента создания этого межгосударственного органа до настоящего времени.*

Ключевые слова: *СНГ; Совет министров обороны государств — участников Содружества; многостороннее военное сотрудничество; военная политика; взаимодействие в военной сфере.*

Summary. *The article highlights the work of the CIS Council of Defence Ministers on development of military cooperation since the establishment of this intergovernmental body up to date.*

Keywords: *CIS; Council of Defence Ministers of the states – participants of the Commonwealth; multilateral military cooperation; military policy; cooperation in military sphere.*

В ДЕКАБРЕ 1991 года после развала Советского Союза известное всем официальным представителям стран социалистического содружества здание в Москве (Ленинградский проспект, д. 41) осталось без флагов государств, входивших в Организацию Варшавского договора.

А началось всё с того, что в Вискулях, резиденции белорусского правительства в Беловежской пуще, руководители Республики Беларусь, Российской Федерации и Украины подписали (8 декабря 1991 г.) соглашение о создании Содружества Независимых Государств (СНГ). 21 декабря в Алма-Ате главы одиннадцати суверенных государств (кроме прибалтийских и Грузии) подписали соответствующий протокол, в котором подчеркнули, что Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Молдова, Российская Федерация, Республика Таджикистан, Туркменистан, Республика Узбекистан и Украина на равноправных началах образуют упомянутое Содружество. Участники встречи приняли также декларацию, подтвердившую приверженность бывших союзных республик сотрудничеству в различных областях внешней и внутренней политики и провозгласившую гарантии выполнения международных обязательств бывшего Союза ССР. Позднее, в декабре 1993 года, к Содружеству присоединилась Грузия; в августе 2009-го она официально вышла из него, но сохранила за собой право на участие в 75 договорах и соглашениях в рамках СНГ. Последнее же действует на основании

Заседание Совета министров обороны государств Содружества

устава, утверждённого Советом глав государств (СГГ) 22 января 1993 года. В нём, в частности, отмечается, что Содружество основано на началах суверенного равенства всех его членов, что их взаимодействие осуществляется через координирующие институты: Совет глав государств, Совет глав правительств, межпарламентскую ассамблею, исполнительный комитет.

Среди уставных органов СНГ особое место занимает Совет министров обороны государств — участников Содружества (СМО СНГ). Он образован как высший коллегиальный орган по вопросам военной политики и военного строительства в соответствии с принятым решением от 14 февраля 1992 года[1]. В настоящее время в его работе принимают участие главы военных ведомств Азербайджанской Республики, Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации, Республики Таджикистан, Республики Узбекистан; Республики Молдова, Туркменистана и Украины — в качестве наблюдателей[2]. В разное время этот орган возглавляли маршал авиации Е.И. Шапошников, генералы армии П.С. Грачёв, И.Н. Родионов, Маршал Российской Федерации И.Д. Сергеев, С.Б. Иванов. 20 июня 2007-го его председателем стал министр обороны Российской Федерации А.Э. Сердюков.

СМО СНГ в своей деятельности рассматривает концептуальные подходы к вопросам военной политики, военного строительства государств — участников Содружества, согласовывает усилия отдельных военных министерств по реализации соглашений и других документов СГГ в области обороны и военной безопасности, координирует военное сотрудничество. Он также вырабатывает предложения по предотвращению вооружённых конфликтов на территориях стран Содружества

ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ И БОЕВОГО ПРИМЕНЕНИЯ ГОРСКИХ КАВАЛЕРИЙСКИХ ЧАСТЕЙ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. *В начале 1942 года на Северном Кавказе было создано две национальных кавалерийских дивизии — 114-я чечено-ингушская и 115-я кабардино-балкарская. Формирование соединений проходило в условиях осложнения социально-политической обстановки в регионе. Одну из дивизий — чечено-ингушскую — пришлось переформировать в кавалерийский полк. Боевая судьба горских формирований была короткой — они оказались на острие удара танковых соединений противника, рвавшихся на Северный Кавказ, понесли большие потери и вскоре были расформированы, дав, однако, богатую пищу для исторических споров по поводу их боеспособности и вклада горских народов в победу в Великой Отечественной войне.*

Ключевые слова: *Кабардино-Балкарская АССР; Чечено-Ингушская АССР; кавалерийская дивизия; кавалерийский полк; национальные формирования.*

Summary. *In early 1942, two national cavalry divisions – the 114th Chechen-Ingush and the 115th Kabardino-Balkarian – were set up in the Northern Caucasus. The formation of large units took place under socio-political complications in the region. One of the divisions – the Chechen-Ingush one – had to be reformed into a cavalry regiment. The combat fate of the mountain formations was short – they were on the point of attack of enemy tank formations, which itched to get to the North Caucasus, suffered heavy losses and were soon disbanded, giving, however, rich food for historical debates about their fighting ability and contribution of the mountain peoples to the Victory in the Great Patriotic War.*

Keywords: *Kabardino-Balkarian ASSR; Chechen-Ingush ASSR; cavalry division; cavalry regiment; national formations.*

В начале Великой Отечественной войны, когда в ряды Красной армии стали вливаться огромные массы мобилизованных нерусских контингентов военнообязанных, проявились специфические проблемы, связанные с их социально-демографическими особенностями. В силу слабого знания или полного незнания русского языка нерусские бойцы хуже адаптировались в воинском коллективе. Они, как правило, имели невысокий уровень образования; запас военнообученных контингентов среди нерусских народов был невелик, поскольку массовый призыв в армию из союзных и автономных республик начался лишь за несколько лет до войны. Всё это снижало боеспособность частей со смешанным национальным составом и вело к неоправданно высоким потерям.

Кабардино-балкарские конники на марше

Логичным выходом в конце 1941 года стал возврат к однонациональному комплектованию частей, от которого отказались в ходе военной реформы 1930-х годов. Однородная языковая и культурно-ментальная среда в национальных частях должна была способствовать ускорению подготовки их бойцов, повышению качества боевой подготовки, укреплению дисциплины в подразделениях и стойкости личного состава. Воссоздание национальных частей диктовалось острой необходимостью предельно быстро и без значительных затрат дефицитных материальных и кадровых ресурсов восполнить тяжёлые потери начала войны и остановить врага.

На Северном Кавказе было создано значительно меньше национальных формирований, чем, например, в Закавказье. Наиболее интересны судьбы самых крупных из них — 114-й и 115-й кавалерийских дивизий, породившие массу легенд и кривотолков. В данной статье их короткая, полная драматизма история рассматривается на основе источников, выявленных в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации.

114-Я И 115-Я кавалерийские дивизии были сформированы во исполнение постановления Государственного Комитета Обороны (ГКО) № 894 от 13 ноября 1941 года[1]. Первоначально было предписано иметь в каждой дивизии по два национальных кавалерийских полка, затем их число увеличилось до трёх. Кабардино-Балкарскому (КБ) обкому ВКП(б), взявшемуся за дело «по-большевистски», удалось сформировать 115-ю кавалерийскую дивизию в короткие сроки и без значительных затруднений[2]. В состав соединения, командиром которого был назначен полковник А.Ф. Скороход, комиссаром — старший батальонный комиссар Ф.С. Иголкин, начальником штаба — подполковник М.С. Эхохин, вошли три кавалерийских полка (278, 297 и 316-й), артиллерийский дивизион, эскадрон химической защиты, полуэскадрон связи и ряд других подразделений общей численностью в 3500 сабель[3].

Подполковник М.С. Эхохин в своём личном дневнике отмечал, что за период формирования дивизии не было зафиксировано серьёзных недостатков, а деятельность партийных и советских органов он охарактеризовал положительно. В день приёма одного из полков в действующую армию 2 мая 1942 года в

ÏÐÎÒÈÂÎÂÎÇÄÓØÍÀß ÎÁÎÐÎÍÀ ÆÅËÅÇÍÎÄÎÐÎÆÍÛÕ È ÂÎÄÍÛÕ ÊÎÌ ÌÓÍÈÊÀÖÈÉ Â ÃÎÄÛ ÂÅËÈÊÎÉ ÎÒÅ×ÅÑÒÂÅÍÍÎÉ ÂÎÉÍÛ

Аннотация. *В статье рассказывается о роли органов военных сообщений в организации противовоздушной обороны войск и сил флота в годы Великой Отечественной войны.*
Ключевые слова: *Великая Отечественная война 1941—1945 гг.; противовоздушная оборона; железные дороги; воинские эшелоны; зенитно-пулемётные вагоны; органы военных сообщений; транспортные суда; корабли ПВО.*

Summary. *The article discusses the role of the military transportation service in organization of air defence of troops and naval forces during the Great Patriotic War.*
Keywords: *Great Patriotic War of 1941—1945; air defence; railways; troop trains; anti-aircraft machine-gun wagons; military transportation service; transport ships; anti-aircraft ships.*

В соответствии с идеями немецкой воздушной стратегии одним из важных объектов для ударов авиации были транспортные коммуникации противника: порты, железнодорожные и автодорожные узлы, эшелоны и суда, автоколонны на марше. Недостаточное внимание руководства Красной армии в начале Великой Отечественной войны к защите собственных коммуникаций от ударов с воздуха привело к тяжёлым потерям в людях и технике. Эффективность ПВО в защите коммуникаций начала расти с 1942 года с улучшением её организации и технического оснащения, увеличением количества зенитных средств. Важную роль в борьбе с немецко-фашистской авиацией и защите железнодорожных коммуникаций и судов на водных бассейнах сыграли органы военных сообщений.

Воины-железнодорожники взвода ПВО мостового батальона охраняют строительство моста через Днепр у Киева

ВПЕРВЫЙ же день войны авиация противника произвела массированные налёты на приграничные железные дороги нашей страны. Удары наносились главным образом по крупным железнодорожным узлам, станциям и мостам. Внезапность ударов позволяла наносить их с высокой степенью эффективности. Противовоздушная оборона (ПВО) СССР, развёрнутая лишь к исходу второго дня войны, в основном была направлена на отражение воздушного противника на глубину 500—600 км[1].

Для защиты от вражеской авиации железнодорожных участков, узлов, мостов, туннелей, распорядительных станций фронта и станций снабжения, районов погрузки и выгрузки войск, других важных железнодорожных объектов была организована система противовоздушной обороны. В её состав входили зенитные средства (артиллерия, пулемёты, зенитные бронепоезда), истребительная авиация, а для прикрытия воинских поездов в пути — зенитно-пулемётные взводы (ЗПВ), позже зенитно-пулемётно-пушечные взводы (ЗППВ). Руководство ЗПВ и ЗППВ непосредственно осуществляли органы военных сообщений.

Зенитно-пулемётный взвод состоял из трёх отделений общей численностью 16 человек: один офицер, 3 сержанта, 12 рядовых. На вооружении взвода имелось 3 зенитных пулемёта 7,62 мм калибра. Каждое отделение обслуживало один зенитно-пулемётный вагон.

Для прикрытия одного поезда предусматривалось два зенитно-пулемётных вагона (один в хвосте и один в голове поезда). Имевшееся в начале войны количество таких вагонов не могло удовлетворить потребности в прикрытии военно-санитарных поездов и транспортов. Что касается оперативных эшелонов, то они должны были осуществлять противовоздушную оборону собственными средствами.

В начале войны порой наблюдалась беспечность в организации ПВО и систематическое нарушение воинских уставов со стороны командиров перевозимых частей, не заботившихся о противовоздушной обороне своих эшелонов. Вследствие этого воинские эшелоны при движении по железным дорогам, а также во время погрузки и выгрузки несли иногда большие потери.

Положение оказалось настолько серьёзным, что в адрес начальников военных сообщений фронтов и прифронтовых военных округов, соответствующих начальников передвижения войск и начальников штабов Северного, Северо-Западного, Западного, Юго-Западного и Южного фронтов было передано следующее приказание начальника Генерального штаба Красной армии:

1. Воспретить железнодорожные перевозки без соответствующей организации ПВО эшелонов

«В НОЯБРЕ 1942 г. ВСЁ БЫЛО ГОТОВО ДЛЯ ОТКРЫТИЯ ТРОЛЛЕЙБУСНОЙ ЛИНИИ ПО ЛАДОГЕ»

Аннотация. *В статье исследуются подробности необычного проекта доставки грузов в блокадный Ленинград зимой 1942—1943 гг.*
Ключевые слова: *блокада; Ладога; ледовые трассы; «троллейбусный» проект.*

Summary. *The article investigates the details of an unusual project for cargo delivery in besieged Leningrad in the winter of 1942-1943.*
Keywords: *blockade; Ladoga; ice roads; "trolley" project.*

О подготовке и прокладке ледовых трасс при обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны написано немало. Вместе с тем вне поля зрения историков оставался один весьма смелый и оригинальный проект организации грузовых перевозок на троллейбусах в зимнее время по Ладоге, тем более что в самом городе они использоваться не могли. Речь идёт о предложении ленинградских учёных и специалистов трамвайно-троллейбусного управления Ленгорисполкома (ТТУЛ) по «строительству и эксплуатации контактной сети и подстанций троллейбусной трассы» на льду Ладожского озера[1]. О подробностях нереализованного, но примечательного проекта рассказывается в данной публикации.

ЗНАЧЕНИЕ перевозок по льду Ладожского озера зимой 1941—1942 гг. в обеспечении устойчивости обороны и жизнедеятельности блокадного города было объективно оценено военным советом Ленинградского фронта (ВС ЛФ) и городскими властями. Неудачи советских войск при проведении наступательных операций по прорыву блокады предопределили необходимость возобновления их в следующую зиму.

24 августа 1942 года начальник автодорожной службы ЛФ В.Г. Монахов утвердил «План мероприятий по организации автомобильной дороги через Ладожское озеро в зимний период 1942—1943 гг.»[2], в котором предусматривалась прокладка ледовых автогужевых трасс, а также укладка на льду узкоколейного железнодорожного пути. Однако 23 сентября произошло событие, которое побудило внести коррективы в этот план: по проложенному по дну Ладоги высоковольтному кабелю была налажена подача электроэнергии в Ленинград с Волховской ГЭС.

Троллейбус у Балтийского вокзала

8 октября ВС ЛФ направил председателю Государственного Комитета Обороны (ГКО) И.В. Сталину докладную записку. В ней предлагалось «для обеспечения коммуникаций Ленинграда, Ленинградского фронта и Балтийского флота в зимний период 1942—1943 гг. построить автомобильную ледовую дорогу через Ладожское озеро по типу существовавшей в зиму 1941—1942 гг. и железнодорожную переправу широкой и узкой колеи, соединяющей по льду западный и восточный берега Ладожского озера между станциями Осиновец и Кобона». В последний день октября, не дожидаясь решения ГКО, военный совет фронта принял постановление «О строительстве Военно-автомобильной дороги через Ладожское озеро на зиму 1942—[19]43 гг.».

Решение ГКО последовало только 21 ноября 1942 года («Об обеспечении коммуникаций г. Ленинграда и Ленинградского фронта в зиму 1942—[19]43 гг.»). Им утверждалось предло-

ПОМОЩЬ СОЧИНЦЕВ ФРОНТУ

Аннотация. *В статье на основе местных архивных источников г. Сочи показан вклад жителей города-курорта в победу над фашистской Германией в годы Великой Отечественной войны.*
Ключевые слова: *всесоюзная здравница; перестройка в интересах фронта; госпитальная база; военные заказы.*

Summary. *This article, based on local archival sources in Sochi, illustrates the contribution of residents of the resort city in the victory over Nazi Germany during the Great Patriotic War.*
Keywords: *all-Union health resort; rebuilding in the interests of the front; hospital base; military orders.*

В ГОДЫ Великой Отечественной войны город-курорт Сочи был превращён в крупнейшую госпитальную базу юга страны. В общей сложности здесь в это время дислоцировались 111 военных госпиталей[1].

Помощь фронту всесоюзной здравницы не ограничивалась только лечебными и восстановительными функциями. Отсюда в фонд обороны поступали собранные жителями значительные денежные средства, отправлялись в действующие войска и на корабли подарки и вдохновляющие письма. Даже местные промышленные предприятия, выпускавшие в основном пищевую продукцию, не говоря уже о судоремонтных морского порта и городских авторемонтных мастерских, и те были перестроены на эту общенародную помощь армии и флоту.

Пошив одежды сочинскими домохозяйками
1942 г.

Производилось в Сочи и оружие, так называемые горные катюши. Эти реактивные установки были разработаны в 1942 году в передвижных ремонтных мастерских, дислоцировавшихся тогда в городе гвардейских миномётных частей. Предложил новый вид реактивных установок для применения их в горной местности, куда было невозможно доставить артиллерию, военный инженер 3-го ранга (позже генерал-майор) А.Ф. Алфёров. Весила малогабаритная «горная катюша» всего 67 кг и легко разбиралась на 2—3 узла-вьюка. Выпуск изделия наладили в сочинском железнодорожном депо и в автомастерских, оснастив таким образом 12 батарей. Своё применение они нашли в труднопроходимых местностях (в горах Кавказа, Карпат, Татр), где, как уже отмечалось, нельзя было использовать обычную ствольную артиллерию. Установили несколько «горных катюш», наносивших удары по врагу во время боевых действий на море и при высадке десантов, даже на кораблях Черноморского флота[2].

В 1942-м на Сочинском пивзаводе, построенном в этом же году, выпускали противотанковую горючую смесь. Она изготавливалась в огромных чанах, наполненных тоннами смеси. В день производилось до 10 000 бутылок «огненной» жидкости. Здесь же готовили и запалы к этим бутылкам. Всего было произведено и отправлено на фронт несколько сот тысяч ёмкостей[3].

Обмундирование и предметы быта для красноармейцев и краснофлотцев изготовляли в цехах и мастерских промкомбината, включавшего в себя большое количество швейных, сапожных и других артелей. Трудились здесь сотни квалифицированных мастеров, обеспечивавших войска разнообразной продукцией. Только по плану выпуска одного месяца (декабрь 1942 г.) было произведено 2000 зубных щёток, 5000 гребней и расчёсок, 2000 мундштуков, 1000 сигнальных свистков, 60 тыс. пуговиц, 1 т зубного порошка, 7 т парафиновых свечей, 300 пар носков и перчаток, 1 000 деревянных ложек и многое другое. За этот же месяц действовавший в Адлере райкомбинат выпустил железных печей для блиндажей 900 штук[4]. Всего же в 1942 году комбинат изготовил 31 217 гребней и расчёсок, 14 907 зубных щёток, 4432 лопатки-точилки, 3457 пар носков и прочих предметов быта, 900 ватных брюк, 189 шапок-ушанок, 800 шт. различного белья, 4400 гимнастёрок[5]. В следующем году производительность комбината в интересах фронта повысилась на 32 проц.

Немалую роль в вопросах «военных поставок» играли кооперативы города. Например, в 1943 году крупнейшая в Сочи артель имени Первого мая изготовила 22 тыс. ложек, 2825 кружек, 152 400 пуговиц. Тысячи гимнастёрок, полушубков, шапок, белья шилось в мастерских артели «Сочишвей». Только в декабре 1942-го отсюда ушло фронтовикам 500 вновь пошитых и 2000 реставрированных гимнастёрок, 60 полушубков, 200 шапок.

В 1943 году в Сочи действовала небольшая обувная фабрика, где помимо основной продукции изготавливались «полусапожки армейские», а Дагомысская мебельная фабрика производила

ПРОИЗВОДСТВО ПРОЖЕКТОРНОГО ВООРУЖЕНИЯ ДЛЯ КРАСНОЙ АРМИИ И ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА В 1941–1945 гг.

Аннотация. *В статье рассказывается о единственном заводе, который в годы Великой Отечественной войны производил зенитные, посадочные, морские, авиационные и другие виды прожекторного вооружения и зарядно-электрические агрегаты для Красной армии и Военно-морского флота.*
Ключевые слова: *Великая Отечественная война; Новосибирск; завод № 644; прожекторное вооружение.*

Summary. *The article is about the only plant that during the Great Patriotic War produced anti-aircraft, boarding, sea, air and other types of searchlight equipment and electric-charging units for the Red Army and Navy.*
Keywords: *Great Patriotic War; Novosibirsk; plant № 644; searchlight equipment.*

ИСТОРИЯ новосибирского прожекторного завода № 644 «Электроагрегат» тесно переплетена с историей Великой Отечественной войны: как многие западносибирские заводы, «Электроагрегат» родился в годы войны. Здесь, в заводских цехах, как и на тысячах других предприятий, руками рабочих ковалось оружие победы.

В своей книге «Воспоминания и размышления» Маршал Советского Союза Г.К. Жуков писал: «Готовя операцию (Берлинскую), все мы думали над тем, что ещё предпринять, чтобы ошеломить и подавить противника. Так родилась идея ночной атаки с применением прожекторов. Решено было обрушить наш удар за два часа до рассвета. Сто сорок зенитных прожекторов должны были внезапно осветить противника и объекты атаки. Во время подготовки операции её участникам была показана эффективность действия прожекторов. Все единодушно высказались за их применение»[1].

Свой вклад в эту операцию внёс коллектив завода № 644, который в декабре 1941 года был эвакуирован из Москвы в Новосибирск.

В годы Великой Отечественной войны Новосибирская область являлась главным поставщиком прожекторного вооружения фронту. Завод № 644 был единственным в Союзе по производству зенитных, посадочных, морских, авиационных и других видов прожекторного вооружения и зарядно-электрических агрегатов[2] для Красной армии и Военно-морского флота. Учитывая большое значение Московского прожекторного завода для обороны страны, по утверждению народного комиссара электропромышленности СССР И.Г. Кабанова, крайне необходимым являлось создание дублёров этого завода. В соответствии с распоряжением Совнаркома СССР за № 4710-рс от 6 августа 1941 года[3] дублирующее производство зенитных прожекторных установок решили организовать в г. Новосибирске. По указанию правительства заводу передавались новое новосибирское трамвайное депо со всеми подсобными помещениями и учебные, подсобные и жилые здания техникума связи. Требовалось в двухмесячный срок организовать производство зенитных прожекторов[4].

Зенитная автомобильная прожекторная станция типа З-15-4Б

После эвакуации коллектив завода был вынужден не только конструктивно и технологически переработать большую часть выпускавшихся изделий, но и разработать ряд новых конструкций применительно к условиям войны. Первое время после восстановления на новом месте завод был ещё не в состоянии изготавливать ни зенитные прожекторы типа З-15-4, ни посадочные ПС-6, которые раньше являлись основными типами его изделий. С декабря 1941 года на смонтированных станках рабочие начали производить реактивные авиационные снаряды М-8 в соответствии с решением Новосибирского обкома ВКП(б)[5], а с мая 1942 года после переоснастки оборудования они перешли на выпуск деталей № 7 снаряда М-8 по новому чертежу[6].

Чтобы удовлетворить первоочередную потребность в зенитных прожекторах, инженерами и техниками завода в условиях отсутствия в литейной цветных металлов и нехватки площадей для ряда цехов в короткий срок был разработан простейший тип автомобильной прожекторной станции для противовоздушной обороны О-15-8. Этот прожектор отличался простотой конструкции, относительно малой тру-

ВЕРХНЕ-ДОНСКОЕ ВОССТАНИЕ И ЕГО РУКОВОДИТЕЛИ

Аннотация. *Статья посвящена Верхне-Донскому казачьему восстанию 1919 г. и его руководству. Показывается наличие двух группировок среди руководителей, на основании новых архивных изысканий представляется структура повстанческого командования.*
Ключевые слова: *Верхне-Донское восстание; командование; Южная армия; Донская армия.*

Summary. *The article is devoted to the Upper Don Cossack revolt in 1919 and its leadership. It shows that there were two groups of leaders. Based on a new archival research, the article shows the structure of the rebel commanders.*
Keywords: *Upper Don revolt; command; Southern Army; Don Army.*

Верхне-Донское казачье восстание, почти с документальной точностью воспроизведённое М.А. Шолоховым в романе «Тихий Дон», началось в ночь на 11 марта (26 февраля) 1919 года в тылу советских войск Южного фронта, когда Красная армия в ходе зимнего наступления заняла наибольшую часть территории Области войска Донского. Участники восстания — казаки Верхне-Донского округа (в основном Вёшенской, Казанской, Мигулинской, Еланской и Каргинской станиц), бросившие зимой 1918—1919 гг. Донскую армию атамана П.Н. Краснова и пустившие в свои станицы советские войска, но потом разочаровавшиеся в новой власти.

Вот что говорил о начале восстания М.А. Шолохов: «Закипел Верхне-Донской округ. Толканулись два течения, пошли вразброд казаки, и понесла, завертела коловерть. Молодые и которые победнее — мялись, отмалчивались, всё ещё ждали мира от Советской власти, а старые шли в наступ, уже открыто говорили о том, что красные хотят казачество уничтожить поголовно»[1].

Для подавления восстания с Южного фронта пришлось снять крупные силы — до двух дивизий пехоты и до дивизии кавалерии, что отрицательно сказалось на положении красных. Белогвардейское же командование, наоборот, использовало восстание в тылу Южного фронта большевиков для перехода в наступление в мае 1919 года. Белоказачья конница генерала Секретева начала рейд в район восстания.

6 июня (24 мая) 1919 года повстанцы, уже находившиеся на грани поражения, соединились с белой Донской армией, а войска Южного фронта были вынуждены оставить территорию Области войска Донского и г. Царицын. Белые газеты писали по этому поводу: «Мы читали о громадных крестьянских восстаниях в Тамбовской губернии — однако они все задавлены, и только восстание верхне-донцов из всех русских восстаний увенчалось успехом»[2].

ВЕРХНЕ-ДОНСКОЕ казачье восстание 1919 года — событие, ещё недостаточно изученное. Специальных монографических исследований по этой теме нет, хотя оно шире, чем другие такого же рода народные выступления, отражено в художественной литературе. В конце 80 — начале 90-х годов XX века на волне начавшегося процесса возрождения казачества к этой теме не раз обращались публицисты. Сам формальный руководитель восстания, П.Н. Кудинов, оставил о нём воспоминания, но изложенные там факты довольно часто не подтверждаются ни советскими, ни белогвардейскими, ни повстанческими документами, да и приводимая автором дата — 29 февраля 1919 года — вызывает сомнения в его объективности и достоверности. Так, Кудинов писал, что восстание вспыхнуло стихийно, однако имеются сведения о подпольной организации, готовившей выступление. По словам Хрисанфа Митичкина, милиционера Усть-Хопёрской станицы, побывавшего у повстанцев, вёшенские казаки рассказывали, «что восстание было задумано раньше, центр его был в Мигулинской, где велась подготовка. Тогда, когда они восстали, к ним прилетал аэроплан и сбрасывал… орудийные замки»[3].

Возможно, ключом к разгадке является сообщение атамана Краснова, что 27 января (9 февраля) «в районе станиц Каменской и Усть-Белокалитвенской генерал Денисов сосредоточивал ударную группу в 16 000 при 24 орудиях, в которую должны были войти лучшие части молодой армии и старые, испытанные в боях войска (в том числе и Гундоровский Георгиевский полк). По сосредоточении, примерно к 5—6 февраля, группа эта должна была ударить на слободу Макеевку, совместно с частями генерала Фицхелаурова сбить 12-ю дивизию и, действуя во фланг и тыл 13-й и Уральской дивизий, идти в Хопёрский округ оздоровлять и поднимать казаков»[4].

Если прочертить на карте прямую линию от Каменской на Макеевку и далее на хопёрские станицы, она пройдёт через территорию Верхне-Донского округа. Чтобы устремиться в такой рейд (как минимум 350 вёрст), надо было иметь гарантии, что по дороге рейдирующая группа получит поддержку и подпитку. Между донецкими станицами, от которых предстояло выступать, и хопёрскими, куда следовало прийти, лежали многочисленные враждебно настроенные «хохлацкие» слободы и «разложившиеся», но всё же казачьи верхне-донские станицы.

ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. *Основанная на новых архивных материалах статья посвящена анализу организации русской военной разведки в годы Первой мировой войны. Автором рассмотрены все основные направления проведения стратегической, оперативной и тактической разведки командованием царской армии и флота на русско-германском, русско-австрийском и русско-турецком фронтах. Особое внимание уделяется малоизвестным эпизодам коалиционного сотрудничества разведок стран Антанты как на сухопутном, так и на морском театрах военных действий в 1914—1917 гг.*

Ключевые слова: *история разведывательной службы; Первая мировая война; коалиционное взаимодействие союзников; контрразведка.*

Summary. *Based on a new archival material, the article analyzes the organization of the Russian military intelligence during World War I. The author considers all the main areas of strategic, operational, and tactical intelligence under the Command of the Tsarist army and navy in the Russian-German, Russian-Austrian and Russian-Turkish fronts. Particular attention is paid to the little-known episodes of the coalition intelligence cooperation of the Entente states both in land and sea theaters of military operations in 1914—1917.*

Keywords: *history of the military intelligence service; World War I; coalition cooperation of the allies; counterintelligence.*

ИСТОРИЯ военной разведки России в годы Первой мировой войны остаётся своеобразным белым пятном отечественной историографии[1]. Помимо нескольких очерков и статей, посвящённых различным аспектам военно-разведывательной деятельности на суше, море и в воздухе[2], за прошедшие десятилетия были опубликованы лишь два обобщающих труда, принадлежащих перу не профессиональных историков, а представителей советских спецслужб. Первая крупная работа увидела свет ещё в конце 1920-х гг. и была переиздана в 2003 году[3]. При этом главная цель её автора К.К. Звонарёва заключалась в рассмотрении лишь одного аспекта военно-разведывательной деятельности — работы с агентурой. Другим заметным вкладом в исследование интересующей нас темы стала монография М. Алексеева[4]. Но, хотя она освещает практически все направления военной разведки периода Великой войны, внимание автора сфокусировано опять-таки на агентурной разведывательной деятельности, видимо, более близкой его пониманию и профессиональному опыту. К тому же обе книги включают местами дословный пересказ документов или передачу обширных извлечений из них без какого-либо анализа и разработанного научно-справочного аппарата.

Справедливости ради отметим, что слабая изученность деятельности русских военных разведчиков в 1914—1918 гг. связана с двумя объективными трудностями: ликвидацией архивов большинства разведывательных отделений штабов флотов, фронтов, армий и корпусов в первой половине 1918 года[5], а также закрытие доступа к немногим сохранившимся документам, санкционированное в советский период органами МВД. Только с 1990-х гг. положение стало изменяться к лучшему, однако «распылённость» разведывательных материалов по многочисленным фондам основных держателей — Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) и Российского государственного архива Военно-Морского Флота (РГА ВМФ) крайне сузила исследовательский поиск. Исключением в этом плане, пожалуй, являются фонды Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) (Ф. 2000) и Ставки Верховного главнокомандующего (Ф. 2003) РГВИА, а также фонд Морского Генерального штаба (Генмора) (Ф. 418) РГА ВМФ.

Существенным дополнением к массиву неопубликованной служебной переписки, аналитических записок, справок и другой делопроизводственной документации выступают дневники и воспоминания непосредственных участников событий, как с русской стороны, так и со стороны противника[6].

Основная задача статьи заключается в анализе деятельности русской военной разведки в 1914—1918 гг. на трёх взаимосвязанных уровнях: стратегическом, оперативном и тактическом. При этом автор, оставляя за скобками практику контрразведки, стремился отразить лишь наиболее существенные изменения структуры и функций военных спецслужб России на протяжении различных этапов боевых действий: манёвренного — лето 1914 — осень 1915 года, позиционного — конец 1915 — осень 1917 года и завершающего — зимы 1917 — весны 1918 года.

Накануне войны руководящими органами русской разведки являлись отдел генерал-квартирмейстера ГУГШ в структуре Военного министерства и разведывательные отделения штабов приграничных округов: Петербургского, Виленского, Варшавского, Киевского, Одесского, Кавказского, а также статистическая часть и особое делопроизводство Генмора в составе Морского министерства. Примечательно, что незадолго до начала боевых действий, 12(25) мая 1914 года, Николай II утвердил новое «Положение о штабе командующего морскими силами (флотом)», согласно которому получение и анализ разведывательных данных в зоне действия соответствующего флота возлагались на статистические отделения оперативных частей их штабов[7].

После вступления России в войну и создания высшего органа руководства действующей армией — Ставки Верховного главнокомандующего одно из её управлений, а именно Управление генерал-квартирмейстера, стало координировать разведывательную деятельность штабов возникших фронтов: Северо-Западного и Юго-Западного, а с конца октября 1914 года — Кавказского[8]. По воспоминаниям делопроизводителя управления полковника А.А. Самойло, впоследствии занимавшего видные посты в органах сначала русской, а затем и советской военной разведки, функции штаб-офицеров, переведённых в Ставку из ГУГШ после 1 августа 1914 года, включали «сбор и обработку всех сведений по Германии и Австро-Венгрии (а впоследствии Османской Турции и Болгарии. — **Е.С.**) и сообщение этих сведений всем полевым управлениям и фронтам... Одной из обязанностей офицеров Генерального штаба в Ставке была зашифровка и расшифровка секретных телеграмм». «Поэтому, — без ложной скром-

АРМИЯ ТАК И НЕ ДОЖДАЛАСЬ СВОЕГО КОМАНДУЮЩЕГО

Аннотация. *Краткое исследование о пребывании в немецком плену генерал-майора А.Г. Самохина. Статья подготовлена по материалам уголовного дела № Р-82, хранящегося в Центральном архиве ФСБ России.*
Ключевые слова: *генерал А.Г. Самохин; 48-я армия; Брянский фронт.*

Summary. *A brief study on the presence of Major-General A.G. Samokhin in German captivity. This article is on the base of criminal case № R-82 stored in the Central Archive of the FSS of Russia.*
Keywords: *General A.G. Samokhin; 48th Army; Bryansk front.*

21 АПРЕЛЯ 1942 года генерал-майор Александр Георгиевич Самохин[1], получив назначение командовать только что созданной вторым формированием 48-й армией[2], вылетел на самолёте к месту её сосредоточения — в посёлок городского типа (пгт) Касторное с промежуточной посадкой в г. Ельце, где должен был получить указания от командующего Брянским фронтом, в состав которого вошла 48А, генерал-лейтенанта Ф.И. Голикова и вручить ему пакет особой важности из Ставки Верховного Главнокомандования[3].

В 11-05 самолёт вылетел с аэродрома Верхне-Мячково. Экипаж (лётчик лейтенант К.А. Коновалов[4] и бортмеханик воентехник 2 ранга Т.И. Корнилов[5]) только перед вылетом узнал, что пассажир, который летит с пакетом в Елец, генерал. Генштабом полёт был заявлен как обычный, а не особо важный и соответственно сопровождение предоставлено не было. Пилот, потеряв ориентировку, уклонился от заданного курса и оказался за линией фронта. Когда это выяснилось, Коновалов пытался развернуться, но немцы открыли зенитный огонь, самолёт был повреждён и пришлось совершить вынужденную посадку на открытый пологий склон оврага недалеко от г. Мценска. В конце пробега самолёт скапотировал. Надо сказать, что отклонение от маршрута оказалось довольно большим, если учесть, что Елец находится в Воронежской области, а Мценск значительно западнее — в Орловской. Впрочем, тогда Самохин не знал, в какой географической точке их сбили, но то, что это произошло за линией фронта, стало сразу ясно: к самолёту, скользя и падая по грязи, двигалась большая группа немецких солдат. То, что происходило дальше, мы знаем из материалов архивного уголовного дела Самохина. К делу также приобщены показания немецких офицеров, допрашивавших его, которые, в свою очередь, были взяты в плен частями Красной армии.

А.Г. Самохин во время службы в Генштабе

Выбравшись из перевёрнутого самолёта, генерал Самохин первым делом попытался бежать, но сразу понял, что по раскисшему от дождей косогору далеко не убежишь. Отстреливаться тоже не имело смысла. А вот пакет на имя Ф.И. Голикова из Ставки ВГК можно было попытаться уничтожить. Несмотря на ветер, он смог зажигалкой запалить плотный конверт, и когда немцы приблизились, уже втаптывал в грязь его обгоревшие остатки. Остальные бумаги — брошюры «Оперативные принципы немецкой армии» (для служебного пользования) и «Тактика немецкой армии» (по опыту Отечественной войны), несколько схем построения немецких армейских порядков, составленные Самохиным во время его службы в Разведывательном управлении, а также документы, в том числе и личные (партбилет, пропуск в Генштаб, служебное удостоверение начальника 2-го Управления Главного разведывательного управления Красной армии, предписание о назначении на должность командующего 48-й армией, орденская книжка на орден Красной Звезды с талонами на денежную выплату к ней и книжка на медаль «XX лет РККА»), попали к немцам.

В целом эти показания Самохина подтвердили лейтенант К.А. Коновалов и бортмеханик Т.И. Корнилов, освобождённые из немецкого плена летом 1945 года. Вот что рассказал Корнилов.

«Когда самолёт скапотировал, мы сначала не могли открыть дверь, тогда я выбил в ней целлулоид и с генералом вылез из самолёта, в это время лётчик Коновалов находился на расстоянии около 50 метров, окружённый немецкими солдатами. Генерал быстро сказал, что надо сжечь документы. Я повернулся к нему спиной и раскрыл полы кожанки. Генерал присел, достал один пакет в конверте с сургучными печатями, ещё одну бумагу и стал их сжигать. Когда немцы подбежали, генерал успел их сжечь и, вытащив пистолет, приставил его к виску, нажал на спусковой крючок, но пистолет дал осечку, он попытался стрелять второй раз, но в это время немцы схватили его за руку и отобрали пистолет».

Позже Корнилов вспомнил, что упустил один момент: когда он выбивал дверь в самолёте, генерал уже сжигал какую-то бумагу.

Во время конвоирования Самохин сказал Корнилову, что если будут спрашивать, куда они летели, надо ответить, что в Ясную поляну, а не в Елец. Коновалов этих слов не слышал, так как его вели впе-

ВОЕННЫЕ ЦЕРКВИ ПРИАМУРЬЯ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация. *В статье исследуются проблемы военно-церковного строительства на дальневосточных рубежах России в 1886—1912 гг.*
Ключевые слова: *ведомственные храмы; военное духовенство; храмовое строительство; армейские и морские церкви; неподвижные и походные «молельни».*

Summary. *This article studies the problem of military church building in the Far Eastern edges of Russia in 1886—1912.*
Keywords: *institutional churches; military clergy; temple construction; army and naval churches; stationary and marching "chapels".*

О ЗНАЧЕНИИ церковнослужителей в государственных делах метко высказался Николай I (царствовал в 1825—1855 гг.). «В моём государстве, — уведомлял он подданных, — должны быть вечно на часах: священник, доктор и Я»[1].

На рубеже XIX—XX вв. дальневосточные православные церкви по ведомственной принадлежности подразделялись на епархиальные и военные. В ведении Камчатской (с 1899 г. — Благовещенской) и Владивостокской епархий[2] находились приходские церкви в городах и сёлах, станичные и поселковые казачьих войск, больничные (лазаретные), железнодорожного ведомства при станциях, Заамурской погранстражи, приисковые (горно-полицейских участков), тюремные, каторжные, миссионерские и домовые (при квартирах начальника края), «губернаторские» Забайкальской, Приморской, Амурской областей, «архиерейские» (при соответствующих домах), «кадетские» (при корпусе в Хабаровске и некоторых других учебных заведениях).

Церкви же военного ведомства на территории Приамурского военного округа подразделялись на армейские и морские. Последние, в свою очередь, находились на берегу (портовые) и на кораблях 1 ранга (судовые), которые именовали и походными[3].

Уместно привести описание церкви крейсера «Димитрий Донской», выполнявшего в августе 1898 года задачи боевой службы в заливе Посьет (западное побережье Японского моря): «На второй палубе находится судовая церковь. Церковь эта представляет собой лишь иконостас, который собирается и слаживается в несколько минут. Иконостас работан японцами по чертежам и рисункам г-на старшего офицера. Работа весьма тонкая и изящная. Особенно хороши царские врата, у которых каждый завиток, каждый цветок, резаный из дерева, сделан с изумительной тщательностью и чистотою. Хороши и иконы в иконостасе»[4].

Церкви армейского (сухопутного) ведомства были неподвижные и походные. Неподвижная церковь размещалась как в построенном на территории военного городка (гарнизона) храмовом сооружении, так и в специально отведённой части одной из казарм. Как показывают архивные источники, в войсках, в частности в отдельных линейных и стрелковых батальонах (позже — стрелковых полках) Приамурского военного округа, просматривалось стремление иметь неподвижную церковь в пункте постоянной дислокации и по возможности в специально возведённом для этой цели отдельном строении.

Здания для неподвижных военных церквей строились либо из деревянных материалов, но на каменном фундаменте, либо из кирпича или камня, с колокольнями и без них, главное, чтобы были «образцовые не по роскоши и убранству, а по вместительству и экономичности сооружения»[5].

Как видно из сохранившихся документов, денег на строительство церквей военное ведомство выделяло недостаточно, и весьма кстати проявилась инициатива снизу. Так, в гарнизоне урочища Барабаш совместными усилиями чинов 8-го Восточно-Сибирского стрелкового батальона и казаков 1-й сотни 1-го Забайкальского казачьего полка к 1895 году была построена своя церковь[6]. В «селе Раздольном при реке Суйфун квартировал 1-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон, переведённый сюда из села Никольского в 1884 году», чины которого и жители села на первых порах были вынуждены «ходить за 36 вёрст в Никольскую церковь во имя св. Николая Чудотворца», построенную к началу августа 1870 года. Поэтому наряду со строительством и обустройством военного городка заложили деревянную церковь, «освятили которую во имя Казанской иконы Богоматери» 18 июля 1887 года. Позже (1891 г.) она отошла к епархии. Кстати, и первая упомянутая церковь по принадлежности являлась епархиальной, поэтому командованием войск, размещённых в селе Никольском, было принято решение обустроить в казарме 2-й лёгкой батареи гарнизонную церковь. Она получилась настолько мала, что «не могла вместить даже офицеров Никольского гарнизона». В 1897 году военный инженер капитан Жигалковский «безвозмездно составил план и смету гарнизонного храма», завершение строительства которого «обозрел 4 июня 1898 года пребывавший в поездке по Дальнему Востоку» великий князь Кирилл Владимирович[7].

Много войск находилось в урочище Ново-Киевское, где в 1890-м из 2965 человек населения было 2880 военнослужащих. 2 июня 1895-го местную гарнизонную церковь осмотрел командующий войсками Приамурского военного округа генерал-лейтенант С.М. Духовской, высказавший удовлетворение организацией службы в ней. Днём ранее в Посьете он посетил часовню, выстроенную солдатами 6-го Восточно-Сибирского линейного батальона к приезду наследника престола цесаревича Николая Александровича (1891 г.). Там же к 1912 году «на средства гарнизона и пожертвования была возведена церковь во имя св. Николая Чудотворца»[8].

В гарнизоне «Штаб графа Муравьёва-Амурского» (ныне один из районов г. Дальнереченска Приморского края — Графское) имелась маленькая часовня,

ГЕНЕРАЛ ПО АДМИРАЛТЕЙСТВУ М.А. РЫКАЧЁВ

Аннотация. *Статья содержит биографический очерк о жизни и деятельности русского учёного, академика М.А. Рыкачёва (1840/1841—1919), основоположника морской метеорологии в России, директора Главной физической обсерватории Академии наук.*

Ключевые слова: *Морское министерство; Академия наук; Главная физическая обсерватория; генерал М.А. Рыкачёв; адмирал С.О. Макаров; морская метеорология.*

Summary. *The article contains the biographical sketch of the life and work of Russian scientist Academician M.A. Rykachyov (1840/1841–1919), the founder of Sea Meteorology in Russia, the director of the Main Physical Observatory of the Academy of Sciences.*

Keywords: *Navy Ministry; Academy of Sciences; Main Physical Observatory; General M.A. Rykachyov; Admiral S.O. Makarov; Sea Meteorology.*

Имя генерала по Адмиралтейству Михаила Александровича Рыкачёва практически неизвестно нашим современникам. Между тем он является выдающимся русским учёным, основоположником морской метеорологии и научного воздухоплавания, организатором службы штормовых предупреждений и исследования магнитного поля Земли. 5 января 2011 года исполнилось 170 лет со дня его рождения.

МИХАИЛ Александрович Рыкачёв родился в усадьбе Николаевское Андреевской волости Романово-Борисоглебского уезда Ярославской губернии в старинной дворянской многодетной семье. Отец — отставной офицер флота, участник знаменитого Наваринского сражения — всех сыновей записал в Морской корпус, который Михаил окончил с отличием и в чине мичмана совершил плавание на фрегате «Олег» по Балтийскому, Северному и Средиземному морям. Возвратившись, Рыкачёв поступил на гидрографическое отделение Академического курса морских наук — прообраз Николаевской морской академии (НМА, ныне ВМА), окончив который «первым по списку», получил право на годичную заграничную командировку с научной целью[1].

Генерал М.А. Рыкачёв

В Англии лейтенант Рыкачёв занимался метеорологическими и магнитными наблюдениями, знакомился с организацией службы погоды, участвовал в ежегодном собрании Британской ассоциации для распространения наук в Бирмингеме, посетил Оксфордский и Кембриджский университеты, обсерватории в Кью и Ливерпуле, познакомился со многими выдающимися учёными, был свидетелем полёта Глешера[2] на воздушном шаре.

Он побывал также в обсерваториях других европейских стран и в 1867 году в трудах Лондонского метеорологического общества опубликовал первые научные работы, посвящённые сравнению барометров и термометров ряда европейских обсерваторий с приборами Гринвичской обсерватории[3]. Затем вышла его статья в «Морском сборнике»[4].

Заграничная командировка способствовала окончательному выбору научного пути — Рыкачёв уже не представлял себя без занятий метеорологией. Начальство пошло навстречу: молодого морского офицера прикомандировали к Главной физической обсерватории (ГФО) Академии наук, где он, по сути, проработал всю свою жизнь. Будучи помощником директора, которым в эти годы был академик Г.И. Вильд[5], Рыкачёв, поддерживаемый Вильдом, многое сделал для становления ГФО в качестве центрального метеорологического учреждения страны, создания системы метеорологических наблюдений в России, содействовал развитию воздухоплавания, принял участие в Международной морской метеорологической конференции в Лондоне (1874 г.), внёсшей ряд существенных изменений в действовавшие на протяжении 20 лет правила наблюдений на кораблях и судах[6].

В 1876 году Рыкачёв возглавил созданное в ГФО отделение морской метеорологии, телеграфных сообщений о погоде и штормовых предостережений (первое предостережение из ГФО было отправлено ещё 10 октября* 1874 г.). Через 10 лет штормовые предостережения уже посылались в порты Балтийского, Чёрного и Азовского морей, на Ладожское и Онежское озёра. При этом их достоверность по Европейской части империи достигала почти 80 проц. Таким образом, можно сказать, что М.А. Рыкачёв создал отечественную службу штормовых предупреждений, действующую и поныне. Его труды были достойно вознаграждены: 1 апреля 1879 года Михаил Александрович получил орден Св. Владимира 4-й степени[7]. Следует заметить, что в отделении морской метеорологии кроме штатных сотрудников в те годы работали и прикомандированные моряки, многие из которых, в частности Ю.М. Шокальский и А.И. Вилькицкий, впоследствии стали известными метеорологами и гидрографами.

Выполняя столь большой объём работ в ГФО, Рыкачёв находил время и для других научных занятий. Так, он стал одним из первых российских воздухоплавателей, совершив в 1868 и 1873

* Все даты приводятся по старому стилю.

САМОЕ СЕВЕРНОЕ СОЕДИНЕНИЕ

Аннотация. *В статье рассказывается о боевом пути, истории развития символики 200-й отдельной мотострелковой бригады и особенностях её дислокации.*
Ключевые слова: *Заполярье; 200 омсбр; боевые традиции; военная символика.*

Summary. *The article tells about the operational record, the history of the 200th motorized rifle brigade's symbols and the specific features of its deployment.*
Keywords: *Polar region; the 200th motorized rifle brigade; combat traditions; military symbols.*

ЧЕЛОВЕК, хоть раз побывавший зимой в отдалённом Заполярье, навсегда запомнит безграничную заснеженную тундру, сполохи северного сияния. Ну а если он станет подъезжать к территории 200-й отдельной мотострелковой бригады (омсбр), то, думается, его впечатлит даже её контрольно-пропускной пункт, словно вырастающий из камней и снега.

О том, что эта воинская часть стоит на страже дальних «студёных» рубежей нашей Родины, свидетельствует популярный в Заполярье символ (силуэт белого медведя), украсивший бригадный вымпел, а её заслуги отражают другие знаки воинской доблести, бережно хранимые личным составом. Но прежде чем повести о них речь, уместно вкратце рассказать об истории бригады и края, где она находится.

Место дислокации 200 омсбр действительно особое, имеющее важное стратегическое (военное и экономическое) значение. Здесь, в районе Печенги, с древних времён жили саамы, а в России этот край стал известен после того, как в 1532—1533 гг. на реке Печенге возник православный монастырь. Спустя полвека, когда в 1589 году его разрушили шведы, по указу царя Фёдора Иоанновича обитель возвели за рекой Колой, «против острога на острову». На месте же разрушенного монастыря построили церковь преподобного Трифона, «страны северныя просветителя, Печенгского чудотворца». Храм и монастырь существуют и сейчас.

Во время Первой мировой войны 1914—1918 гг. незамерзающий порт Лиинахамари, расположенный в 12 км западнее Печенги, имел большое значение для экономики Финляндского княжества и России из-за немецкой угрозы на Балтийском море. По подписанному в 1920 году Тартускому договору, завершившему первую Советско-финскую войну (1918—1920 гг.), район вокруг Печенги отошёл к Финляндии. В 1921-м здесь были найдены месторождения никеля, оценённые (1934 г.) в 5 млн т; в 1935-м началась его добыча французскими и канадскими компаниями.

Во время Советско-финляндской (Зимней) войны

(1939—1940 гг.) СССР занял район Печенги, однако по окончании боевых действий вернул его обратно за исключением западной части полуострова Рыбачьего. С началом агрессии фашистской Германии против Советского Союза (1941 г.) Печенга использовалась немецкими войсками и их финскими союзниками как база для атак на Мурманск.

Предыстория воинской части такова.

В соответствии с решением Государственного Комитета Обороны от 18 октября 1941 года были сформированы 67-я морская стрелковая бригада (мсбр) в Приволжском и 80-я морская стрелковая бригада в Северо-Кавказском военном округах. Каждая бригада имела в своём составе 3 отдельных стрелковых батальона, отдельный артиллерийский дивизион полковых пушек (8 76-мм), отдельный противотанковый батальон (12 57-мм), отдельный миномётный дивизион (16 82-мм и 8 122-мм миномётов), отдельную роту автоматчиков, роту противотанковых ружей, взвод ПВО, отдельный батальон связи, разведывательную, сапёрную, автомобильную и медико-санитарную роты. Всего — 4500 человек, а также 149 ручных и 48 станковых пулемётов, 612 автоматов ППШ, 48

Посёлок Печенга